

ВАС ЛЮБЛЮ

Надежда КОЖЕВНИКОВА

«Записки иностранки», отрывок из которых предлагается читателям «ОГ», были начаты как дневник, изо дня в день фиксирующий впечатления о стране, где, насколько я знаю, из соотечественников никто никогда не был. Россиянам о ней известно по роману Грина «Комедианты». А еще была песенка: «На острове Гаити жил негр Тити-Митти»...

То были девятые годы. Мы, наша семья, успели прожить к тому времени почти десять лет в Швейцарии, вернуться в Россию, воодушевленные перестройкой, покуривать в той ситуации, кое-что даже успев, но вдруг, как бы еще и неосознанно, снова сняться решили, можно сказать, для самих себя неожиданно. Наши друзья были в шоке.

Квартира в Москве, только что отремонтированная, дача в Переделкине, окружение, замены которому, мы и тогда понимали и подтверждаем сейчас, нет и не будет, но ощущение несомненности все разрасталось, и никакие разумные доводы этого уже одолеть не могли. Мы уехали из обжитого, родственного, теплого, нигде в сущности. Но с надеждой еще, что можно вернуться. Так паковали «имущество», чтобы самим же, спустя время, распаковать. Но годы идут, наша дача теперь в

Нью-Йорке, мы в штате Колорадо, все ждем? Или, может быть, уже нет? Есть такие движения, которые сам в себе не угадываешь: ты ведомый. Бросив без сожаления много чего, я увезла из России фамильные фотографии и папины записные книжки.

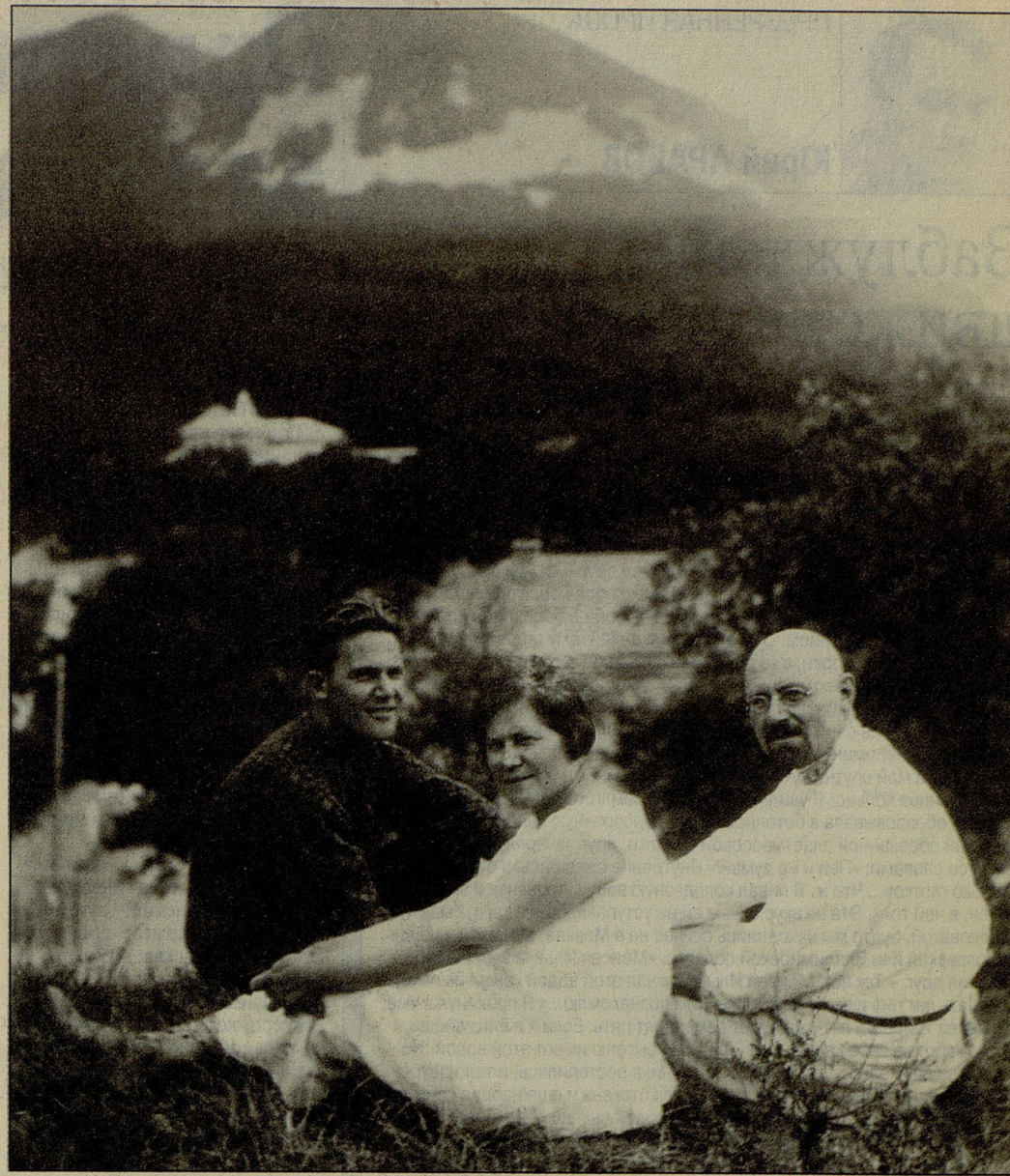
Кстати, в багаже оказались и дедовы очки с продолговатыми стеклышками, в которых он здесь, на фотографии. Я их нашла, когда папа умер, у него в тумбочке, увязанными в носовой платок.

Возможно, это в тексте дало толчок к теме не только Кожевникова, но и Кожевниковых. И она стала главной. Семья, род, история, корни, Россия. «Записки» в прошлом году одно из издательств согласилось опубликовать. И когда дело дошло до предоставления рукописи в окончательном варианте, я запаниковала. Вдруг поняла, что мой отец, Вади́м Кожевников, мне самой остается неясен. Любить — люблю. Любила всегда. Но эту фигуру, для времени характерную, сжать только в дочерних объятиях — неправильно. Он, о котором я не перестаю думать, если не торопиться, отнести к самой себе требовательнее, поможет понять не только свое время, но и мое. Я нуждаюсь в его подсказке, поддержке даже теперь, когда его нет. От редакции «Общей газеты» я услышала высказанное деликатно предложение представить Вади́ма Кожевникова читателям поконкретней: люди, мол, забывают.

Что ж, он был главным редактором журнала «Знамя» с 1949 года и до смерти в 1984-м. Трифонов, Вознесенский, Пастернак, на которого уже начались гонения, были авторами «Знамени» того периода. Цикл стихов Пастернака из «Доктора Живаго» впервые появился в издании, возглавляемом отцом.

О наградах и званиях — увольте. Человек трезвый, он к ним относился так, как они того и заслуживали: линия обороны, чтобы не смяли, не сожрали запросто так. Как бы и лестно узнать, что президент России Владимир Путин еще в детском возрасте вдохновился «Щитом и Мечом». Этот папин роман сделался так знаменит, что даже имени автора упоминать вроде не стоит. А как сейчас мне видится, для самого Кожевникова это было своего рода щитом. Удивительно, но и при всех регалиях он себя не ощущал в безопасности. О принадлежности к меньшевистской партии деда я узнала не от него. Догадки были, но, выходит, и мне, дочери, полагаю любимой, не доверял. Что же надо было содеять с тем мальчиком в детском платьице, с доверчивыми глазами, чья фотография сейчас у меня в изголовье кровати?

Мне так его жалко, я так сильно теперь именно тебя люблю. Ты, верно, думал, что спасение в скрытности. Тебя так обучили. И кланяюсь. Меня ты не запугал. Поберег, в надежде, пусть смутной, что, может быть, мне предстоит жить в другое время.

Семья Кожевниковых: Вади́м, Надежда Георгиевна и Михаил Петрович. Железноводск, 1930 год

НАШЕ знакомство состоялось, когда мне исполнилось четыре года, а дед после смерти бабушки Надежды, умершей за год до моего рождения, успел жениться, прожить в новом браке столько, чтобы жена новая Зоя, не помню отчества, на его площади прописалась, прописала и взрослого сына, дед же оказался ни при чем.

По сути бездомного, доставили в Переделкино, и все пожитки его составляли книги. Не библиотека — куда там! — разрозненные, кое-как сброшюрованные издания, перевязанные веревками по стопкам. Вот именно их, спустя годы, таможенники в Шереметьеве мне будут, как контрабанду, швырять. Плеханова, сарайские, копейной стоимости, выпуски из «Библиотечки марксизма». Дед их в Москву из сибирской ссылки привез. И вот разложил в комнатенке на даче, вроде как очень довольный.

Довольный всем и всегда — такая черта была в нем ключевой и запомнилась всего отчетливее. Никогда ни на что он не гневался, голоса не повышал, принимал как данность и осуждение сына, не протестуя измены памяти своей матери: инициатива в переселении деда к нам принадлежала моей маме.

Я долго считала, что именно этот конфликт лег в основу их с папой размолвки. Не сошлись, но практически не разговаривали. Причем, если папа когда и вскипал, дед стоило хранил невозмутимое. Дождик до девяносто одного, ослепнув, но «Полтаву» чesал наизусть. И не только «Полтаву».

Общение с ним могло дать куда больше, чем я взять пожелала. А никто ведь меня не вынуждал принимать чью-либо сторону в его разногласии с папой. Между тем, не задумываясь, да и не способная в те годы к подобным раздумьям, я признала папину правоту во всем — на том основании, что люблю его больше.

Дед и этот разрыв принял к сведению, не выказав никакого огорчения. Натякаясь на меня в коридоре, удивлялся: Надя? Как выросла. Все та же улыбка, в неизменной приветливости граничащая с полной бесчувственностью. С революционным прошлым, тюрьмой, ссылкой нрав деда как-то не стыковался. По моим представлениям, он не стал бы бороться ни за что. Или я ошибалась?

ОН БЫЛ классический идеалист, что по-житейски выражалось в упрямстве, маскируемом как бы рассеянностью, отвлеченностью. Потребности свои личные свел до такого мизера, что, как разясняла мама, позорил нашу семью и прежде всего своего сына. Действительно, срывы, хоть и редко, случались, и папа ну чуть ли не со слезами умолял: «Смени костюм, вот тебе мой, а этот — в помойку!» В ответ, по контрасту, сдержанно, мирно: «Да ты, Дима, не нервничай...» Уж не издевался ли? Нахуляв: чем сына уязвить, доставал тут его планомерно, методично? «Что люди скажут?» — по маминой формулировке. И — что ли, в отместку? — с проворством, при его возрасте удивительном, успевал-таки припрятать протертые до дыр штаны. Старческое слабовидение проявлялось у него исключительно вот на этом участке. Читал по-немецки и по-французски, а по-английски со словарем.

Позорить же нашу семью он мог только в двух случаях: когда выводил его за пенсией, которую он сразу же клал на сберкнижку, и в кремлевскую поликлинику, для профилактики, где

он обслуживался как член семьи. Эти выходы в свет, от силы раз в месяц, сопровождался, а точнее сказать, предвещались буйными сенами. Сын за отцом гонялся, чтобы под душ его затаскать, а уж мама и Варя с чистым бельем подстергали. Вот-вот уж настигли, и вдруг уворачивался с бесовской улыбкой: у себя запрета, и что тогда — дверь вышибать?

способности, как скупой рыцарь, запрятал, отторгившись от всех.

КАКИМ выводом я, правда, пришла, да без подсказки мамы. Ответственность за наше воспитание в ней не умолкала никогда. Любая мелочь в ее изложении получала нравучительную окраску. Окрутил небольшое, с жемчужным блеском глаза, понизив голос для большей

к загадке его отшельничества. Но отсутствовало еще очень существенное: тот сердечный толчок, зовущий дознаться правды.

Мне было известно, что папа с родителями из сибирской глубинки в столицу прибыл девятнадцатилетним. Припозднились, и сильно, к дележке пирога. Друзья их, Рыков, Бунов, Куйбышев, утварились уже в кремлевских апартаментах, а новоявленным

же невежливо. И, слышишь, Надя, скандалов все-таки следует избегать, хотя, разумеется, — мельком на папу взгляди — Надежда Георгиевна имела право.

Сама мама не имела. Ну никакого. Из ее родни в революцию никто не участвовал. Отца, политика, варшавянина, студента юридического факультета, в Первую мировую войну мобилизовали, он на фронте до маминого рождения

Отец и сын

Записки иностранки

МОЖНО сказать, родители с обеих сторон представлялись были родственниками, друг друга достойными. По мамин линии — откровенной дурехой бабулей, охорашивающейся постоянно, кокетливой, как институтка, а по папиной — делом, обреченным в сторону прямо противоположную.

Между тем одетый, как оборванец, дед лицом оставался не только благообразен, но утончен, аристократичен. Высокоблудный, светско-кожий, в очках с овальными стеклышками, тогда старшими, но после, спустя эдак лет семнадцать, снова вошедшими в моду. Усы, борода, как ни странно, холёная. Когда насилие его так впахивали в папин костюм, каким еще молодцом смотрелся! Сидя рядом с шофером в казенной «Волге» был ну просто неотразим.

Но помимо причуд у деда имелась и крупная, и уже непротерливая нищета: откровенное ничегонаделение, неучастие ни в чем. На пенсию вышел, ни дня не промедлив. Врач-дерматолог, с опытом сырьесибирским, из сифилитики толпами к нему стояли и он их вылечивал — верю! Есть доказательства. В малолетстве у меня же самой случился экзема. Сквозь забинтованные запястья желто, зловонно сочился гной. К каким толкам знаменитостям не таскался! Но очередное светило, вторя прочим, заключало: все это на нервной почве.

Каково это было слышать, оскорбления такие! В благополучии, холь «нервная почва» — откуда?! Но язы все больше воспарялись, воображая, как ужасалась моему будущему мама, суверенно, как ей было свойственно, князя: за что!

От отчаяния, наверно, обратился к делу. Он тогда уже в нелюбимом позорился с головой. Целыми днями что-то читал, затворившись. Даже к столу общему не выходил. Домработница зывала: Михаил Петрович, открой, обед нес! Дед, вроде как не дослышавший, переспрашивал: что-то? И отовдвигнул задвижку-шпингалет не торопился.

Из кельи его несло затхлостью. Пяти-шестилетний улавливал еще на диване сбоку приманиваться, где он среди книг возлежал, но их становилось все больше, неприятный запах усиливался, да и надобность в моих посещениях постепенно отпала.

Хотя от напасти экземной именно он меня избавил. Процесс излечения стерся, а результат надолго: болячки те детские никак больше не возобновлялись. Но признательность делу тоже растворилась, удержался, напротив, укор: действительно — эгоист. Знания,

выразительности, она выговаривала: самое страшное, Надя, безразличие, ко всему, ко всем.

Дед в такую готовую схему укладывался. В последний раз мне пришлось с ним соприкоснуться, когда неуспехи мои в математике достигли черты уже роковой: передала грозил, чуть ли не второгодничество. Тут и припомнилось, что в Харьковском университете дед первых два курса на математическом факультете проучился, откуда был вычищен за неблагонадежность. Восстановиться после позволили только на медицинском. Тогда уже, значит, к точным наукам допускались проверенные.

ВОТ ВЕДЬ какая темная штука — генетика. Дед, пусть и в начале века, алгебре, геометрии ну и чему-то еще, мне не ведомому, обучаясь, получил вучку, которая и в арифметике ни в зуб ногой. Меня это ни сколько не обескураживало, справившись кое-как с временной трудностью, твердо знала, что тут же, получив свою тройку, выкину ненужный мне мусор из головы. Чуть только потерпеть. Дед объяснения начинал терпеливо, приветливо, но с фразы, о способностях к педагогике не свидетельствующей: ну это ж так просто...

Не претендуя на сообразительность в данной области, я, вместе с тем, уязвленная, закипала, утрачивая уже начисто желание что-либо воспринимать. Дед глядел с удивлением. По темпераменту мы тоже полярно разнились. Ждал. Пришур сквозь очки, снисходительная улыбка, что уже буйство вызывало. Тетрадки, учебники летели со стола. И опять никакой реакции. Только взгляд ульвивал в окно: там черемуха зацвела. О чем-то он думал, что к занятиям нашим никакого отношения не имело. Но об этом я уже не знала ничего.

А на четырнадцатилетие вдруг от него получила подарок: иллюстрированное, юбилейное издание «Нивы» под названием «Девятнадцатый век». Вручено оно было с торжественностью, деду несвойственной, да и не оправданной внешними данными лишенной обложки, обретающейся книги. Как и бывает, потом достояние. «Девятнадцатый век» обрел достойный колоритовый переплет и в путешествия пустился, повсюду, куда нашу семью не заносило. Удача: вывезти удалось. Он и теперь здесь, в США. Реликвия. Знал бы дед. Знал бы хоть кто, что нас ждет, что там может случиться, в будущем.

Дед был же жив, когда песня Сатры «Альфонсе затворники» всколыхнула если не совпадение, то сходство. Тогда уже, пусть неосознанно, ключи подсыкались

Вади́м Кожевников. Переделкино, 80-е годы

провинциалам досталась комната в коммуналке. Но в гости их звали, в те самые «Белые коридоры», описанные Холдасевичем, где находились и царский сервис с белочным двухэтажным орлом на потолке, что вожли поделили по-братски: кому-то кофейные и чайнички, а кому-то булочки, и блюда, салатники по семьям разбросали, в кремлевском теперь общешитном соседствующим. И вот там, в присутствии юноши Вади́ма, произошел инцидент, о котором я не раз в папином изложении слышала.

Поначалу все мило, чинно, хоззаяв утешают, гости благодарят. И вдруг моя бабушка, в честь которой меня и назвали, чашку хрусткую вверх дном опрокидывает, зрит криво с орлом, и в гневе, из-за стола вскакивая, выдает в таком роде: мы за это кровь пропльвали, чтобы вы потом... Решительно: уходи, Вади́м, ноги мои больше... Ну, в общем, сюжет повести Юрия Трифонова.

Папа, рассказывая, каждый раз умилялся. Но иной раз с комментариями, осторожно, вступала мама. Мол, понятно, конечно, но все

погиб. Но, как можно догадаться, не на стороне красных.

Впрочем, и скандальке бабке следовало бы не вопить Кассандрой, а оглядеться понапоследнее. Папа об этом не рассказывал, но, судя по датам, переезд Кожевниковых в Москву предшествовал массовый отселен меньшевиков в Сибирь. А именно из этой партии состоял Михаил Петрович, мой дед.

3 ЕМЛЯ загорелась под ногами, вот и снылись, ринулись куда подалее. Москва, верно, увидела как другая цвет света: там и намеревались затеряться? Защиту найди у друзей, вышедших к той поро в большие начальники? Но промашка: никто никого уже защитит не мог. Бабе Надежде это бы угодило, нечто поважнее сервисов: страх, достигший уже и Кремля.

Визу сцену, тоже вычлененную из папиного устного творчества: начало тридцатых, Вахтанговский театр, в ложе, рядом с юным рафакшем Вади́мом, Рыков, старый семейный друг. Достает из портфеля бутерброды, угощает,

знает, видит, что парень голоден. На сцене, ну может быть, «Турандо». Но главный, кровавый спектакль уже готов к запуску: шахтинский процесс, потом Промпартия, и Рыков, Бухарин после будут действовать. Наталка, дочь Рыкова, папина свертница, подружка, вот-вот пустится по кругам ГУЛАГа. «Ешь, ешь, Вади́м», — возможно, последнее, что он слышит от человека, чье имя долгие годы нельзя будет упоминать.

Никогда, ни при каких обстоятельствах папой не разъяснялось, как удалось их семье уцелеть, при том что дед, уже обреченный как меньшевик, был к тому же среди организаторов побег Сталина из Турханского края. Есть исторический снимок: дед, правда, маячит в задних рядах, а на переднем смуглый усау в белой бешке.

И бабка тоже, вполне в пору делу: оказавшись в одной камере с Инессой Арман, сфотографированная с ней вместе на память. В определенные годы подобные раритеты смысл получали конкретный: спасайся кто может, и поскорей.

Но, конечно, они догадывались, как им повезло, что не успели в столице высунуться. Коммуналка куда как належаей, чем Кремль, Гнездиловский, Дом на набережной по улице Серафимовича. Тихо-тихо, молчком, неспешно. Даже бабка, при своей бешености, затисалась.

В пятьдесят с таким лет поступила на курсы, с дипломом dietestры в профсоюзном отделе устроилась. Дед при ней: вене-ролог кисти пришелся. Но главное, чтобы забыли, чтобы сыну не помешать.

В ТАКОЙ вот подсветке бурная папина деятельность, взлеты карьерные иначе уж видятся, не так ли? Хотя он мне и внушал, что победивший в стране пролетариат ему изначально родственен, братствен — я сомневалась. Полагаю, что пришлось ему в этом себя самого убеждать. И не без принуждения, извне напирало, давящего. За его мускулистой, широкой спиной, родители притаились. Вот с каким грузом он жил, не признавая никому.

Храню фотографию: в пальто кожаном, стянутом в талии, очень уверенный, очень гордый, без тени улыбки, как, видимо, диктовалося молодой, — вот он, молодой герой. В те же самые годы, загнавшие в угол родителей, их сын старт взял и пошел, и пошел, все выше и выше.

А уже после сорока роман написал «Заре навстречу», ошибочно отнесенный к реалистическому жанру, на самом деле романтической сказке про то, каких бы хотелось ему иметь родителей и какую страну. В обоих случаях то, что он воображал, с реальностью слабо соотносилось.

В «Заре навстречу» (название, кстати, учитывая, что случилось потом, не лишено саркастичности) среди персонажей есть некий Савич, меньшевик, отношение к которому автора, я бы сказал, страстно враждебное. И манеры его, уменши, любезность, маскирующая эгоцентризм, распыляемость и в характере, и в суждениях, чуждая круту сыльных революционеров, куда он по случайности затесался, — все это в романе воссоздается так живо, ярко, что, видимо, человек такой был, жил.

И как-то меня осенило: он-то мой дед и есть! Он, а не Сапожков — то бишь Кожевников — который тоже, быть может, существовал, но только не в качестве отца будущего писателя. Про Михаила Петровича одна только фраза безусловно справедлива, с которой биографический роман и начат: «Что бы ни случилось, отец всегда держал себя с Тимой вежливо».

Что же касается остального, заботливости трогательной, тайного жара души, обнаруживаемого с обаятельной неумелостью в отношениях и с женой, и с сыном, скромного героизма, свойственно-го по утверждению мифу «старым большевикам», — вот это, как мне представляется, автором было взято из собственных душевных ресурсов. Да и в образе матери, в романе названной Варей, я нашу маму узнаю, именно ей присущую женственность, лавкату, шарую, чарующую обволакивающую то стержневое, что без надобности ею не демонстрировалось.

Один только эпизод, подтверждающий, что бабка моя, Надежда Георгиевна, была душой. Вади́м, военный корреспондент, возвращаясь с фронта и мчась, преданный сын, к родителям, вернувшись уже из эвакуации (проведенной в Казани, среди писательской родни, куда, как известно, Марину Цветаеву не подпустили) и — неловкость: матушка от объятий отстраняется, обнаружив у сына завышенность, и на ночь укладывает его в коридорчике, на сундуке.

Знаю от мамы: папа явился к ней в ту же ночь, в ту пору любовником, причем без выказываемого намерения жениться. И, видимо, то, как она его встретила, по контрасту с материнской «любовью», в нем, бальное-холодающее, что-то сместило. Но несмотря на то, что до последнего часа, пока Надежда Георгиевна была жива, половиной зарплата, пайков, сын ей приносил. В «Заре навстречу» — куда уж тогдашним критикам утаить! — те же семьи, любви, в детстве столь важной и недополученной, и стала в романе главенствующей, получив компенсацию творческую. Из боли, из грусти, из о г н я т о г о промашки этот мажор. Думаю, что когда папа в начале пятидесятых «Заре навстречу» писал, он был полностью и, возможно, в последний уж раз, по-писательски счастлив.

А ДЕД что же? Он ведь «Заре навстречу» читал. Он не умилялся и потому, что такие порывы с возрастом вообще иссякают, и потому, вероятно, что в докторе Сапожкове себя не признал. Сын-писатель подменил как бы себе родителей, и дед, если бы был на такое способен, скорее мог бы обидеться. Что было, как было на самом деле, он-то уж знал.

И что в «старые большевики» его записали — восторг вряд ли вызвало. Полагаю, что эта и д е я им была выкорчевана из сознания задолго до переезда семьи в Москву. Недаром ведь уклонился от регистрации, положенной членом партии: меньшевиком объявляться, конечно же, было самобуйственным писателя. Про Михаила Петровича, но и в коммунисты не вступил, что в столице, на новом месте, да при друзьях-вожаках легко бы сошло с рук. Он же, убыв, нигде ни-когда так и не прибыл. Умно. Но по тому в нем, видимо, многое накопилось, из-за чего он отговаривался победителями не пожелал.

В Сибирь Октябрьская революция вступила поздно. И если мальчиком Димой-Тимой едва каша воспринималась буднично, то на глазах у таких, как его родители, перевернулся мир.

Собственно говоря, еще раз. Потому как в судьбе студента Михаила Кожевникова ни тюрьма, ни ссылка как натурой, так и взглядом ни сколько не предположились. В молодежных брожениях он активного участия не принимал. Знаю дополнительно, со слов папы: дед первый раз в одиночку попал, не пожелав выдать тех, кто оставил у него материал для взрывчатки, вату и нитроглицерин, всего-то на ночь, но кто-то донес, и нагрянули с обыском. Не политика, а понятия, колес чести были причиной его мужественного молчания. Обыкновенный российский интеллигент, из тех, чья порода после Октябрьской изничтожилась и у которых больше не возродилась. В условиях советской действительности, основанной изначально на компромиссе, такой человеческий тип был исключен. Карьера, льготы, «тридцать сребренников» такими, как дед, инстинктивно, на подсознательном уровне, отторгались. Ни переубедить, ни заставить — только убит. Но дед умудрился дожить до девяноста.

Окаменев, зацепив, залезши на дно, в тине болотной. И, полагаю, он отчет себе отдавал, что ни сын и ни внуки от него ничего не унаследуют. Воля должна быть железная, чтобы жить, с готовностью исчезнуть бесследно, навсегда похороненным остаться в самом себе. Советская власть его закопала живьем. И папе в сущности ничего другого не оставалось, как выдумать себе родителей. Те, от кого он произошел, погибли в революционном чаду среди победителей. И потому, что он от них оторвался, на свет появилась я.

Главный редактор номера: Юрий СОЛОМОНОВ
Газета зарегистрирована в Мининформпечати
РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 054
© Общая газета. Перепечатка допускается
по согласию с редакцией,
ссылка на «ОГ» обязательна
Правовое обслуживание газеты осуществляет
Адвокатское Бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА

Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН
Арт-директор: Андрей МАЛЬКОВ
Отдел рекламы: Тел.: 915-75-23, Т/ф: 915-26-06
Отдел маркетинга: Тел.: 915-53-81
Связи с общественностью:
Валерия ГАЛЛАЙ, Зоя ВОЛЛОВЕЦ
Тел.: 915-70-40

Верстка компьютерного центра
«Общей газеты»
Технический директор
Валерий МАКАРОВ

Отдел распространения: Александр РЕБРИК. Тел.: 915-53-89
Общий тираж «ОГ» — 206 540 экз. (региональный — 144000 экз.)
Цена свободная
Розничное распространение в Московском Метрополитене —
агентство «МЕТРОПРЕСС»
в С.-Петербургском Метрополитене —
ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в ОАО ПО «Пресса-1»,
125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24
Номер подписан в печать 12.07.2000 г.
Заказ 1767.

Наш подписной индекс: 32138

Редактор: Дмитрий ДОКУШАЕВ, Владимир КИСЕЛЕВ, Анатолий КОСТЮКОВ, Юрий ПАТРИН, Елена РЫКОВШЕВА, Юрий СОЛОМОНОВ, Мария СЕДЬХ, Егор ЯКОВЛЕВ, Виталий ЯРОШЕВСКИЙ. Дирекция выпуска: Елена БОГОМОЛОВА, Евгений СЕМЕНОВ, Светлана КАРТАШЕВА (корректор).
Руководители направлений: Наталья ТРИФОНОВА (город), Ирина ДЕМЕТЬЕВА (мобильн.), Елена КОКУРИНА (наука), Наталья КРАМИНОВА (этика), Илья МЕДОВОЙ (мировоззрение), Игорь НАЙДЕНОВ (право), Мария ТОКАРЕВА (редактор «ОГ»-Петербург), Дмитрий ФИЛИПЧЕНКО (спорт), Борис ЮНАНОВ (международная жизнь).
Обозреватели: Олег ВЛАДИКИН, Елена ДИКУН, Игорь КОРОЛКОВ, Виктор ЛИТОВКИН, Ирина ЛЮБАРСКАЯ, Альберт ПЛУТНИК, Юрий РОСТ Борис СИНЯВСКИЙ, Елена СКВОРЦОВА, Елена ТОКАРЕВА, Юнна ЧУПРИНИНА.
Представители за рубежом: Эльмира АХУНДОВА (Баку), Евгений БАЙ (Вашингтон), Сергей БОРИСОВ (Алма-Ата), Лариса ДЯЧУК (Киев), Наталья ЛОПАТИНСКАЯ (Винница), Федор РЮРИКОВ (Прага), Алексей СЛАВИН (Берлин), Армен ТИГРАНЯН (Ереван), Борис ШЕСТАКОВ (Будапешт).
Исполнительный директор Наталия КОЛЧОК. Финансовый директор Елена ПАНОВА. Директор по развитию Елена РЫМКО.